

ГЕРМАН ГЕССЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрено особенности творческой интерпретации реальности немецким писателем Г. Гессе. Писатель увидел существенное противоречие буддизма: в мире, основанном на совершенных внутренних связях закона причинности, нет возможности сопротивляться происходящему. Более того, восстание против реалий реального мира – бессмысленно. Гессе не говорит о карме, об освобождении от кармических последствий нашей деятельности. Для него важно осмысление того, возможно ли прийти к спасению от смерти через какое-нибудь учение.

Ключевые слова: реальность, образ, иллюзия, мир, спасение, время, вечность, буддизм.

Вандышева-Ребро Н.В. Герман Гессе: людські образи реальності. Розглянуто особливості творчої інтерпретації реальності німецьким письменником Г. Гессе. Письменник вбачав істотну суперечність буддизму: в світі, заснованому на досконалих внутрішніх зв'язках закону причинності, немає можливості чинити опір тому, що відбувається. Більш того, повстання проти реалій реального миру – безглуздо. Гессе не говорить про карму, про звільнення від наслідків кармічної діяльності. Для нього важливе осмислення того, чи можливо прийти до спасіння від смерті через яке-небудь учення.

Ключові слова: реальність, образ, ілюзія, світ, спасіння, час, вічність, буддизм.

Vandyshева-Rebro N.V. Herman Hesse: human appearances of reality. The features of creative interpretation of reality are considered by the German writer Hess. A writer saw substantial contradiction of Buddhism: in the world, based on the perfect intracomunications of law of causality, there is not possibility to resist to what be going on. Moreover, rebelling against realities of the real world – senselessly. Hess does not talk about a karma, about a release from karma consequences sew on to activity. For him a comprehension is important that, whether it is possible to come to the rescue from death through some studies.

Keywords: reality, appearance, illusion, world, rescue, time, eternity, Buddhism.

Размышляя над темой творческого наследия талантливого немецкого писателя, Нобелевского лауреата Германа Гессе, приходится изначально исходить из того, что реальность повсеместно выступает перед нами в образах. Образ же происходит от воображения, которое возникает у человека, сталкивающегося с теми или иными событиями внешнего мира либо же внутреннего душевного мира самого человека. Отсюда получается так, что реальный мир скрыт от человека, поскольку его отделяет от нас стена нашего собственного воображения.

Образ – это не «вещь», поскольку он не может претендовать на действительное бытие в действительном мире. Но образ – это и не «идея», потому что он не может претендовать на эйдетическое бытие в мире идеальном. Образ по своей сущности диалектичен. Он несёт в себе черты реальной вещи, события или явления, поэтому он и воспринимается как нечто связанное с вещественным миром. С другой стороны, образ несёт на себе черты идеи, поскольку претендует на осуществление, пусть и творческое, пусть и только в искусстве.

Проблема реальности – проблема фундаментальная, исследованию которой предавались как философы и богословы, так и писатели и художники. Многочисленные интерпретации реальности мы обнаруживаем обращаясь к их творчеству. В этом контексте образ Сиддхартхи, – главного героя одноименной повести Германа Гессе, – представляется весьма репрезентативной констатацией автором некоторого образа мыслей и на его основе образа жизни. Попытка определить, а тем более идентифицировать, эти образы как аутентичную идеологию буддизма, на мой взгляд, была бы слишком категоричной. А посему целесообразно обратиться к анализу содержанию самой повести Гессе.

Юный Сиддхартха (герой повести), воспитываемый в семье отца-брахмана и имевший возможность общаться с другими мудрыми брахманами, уже достаточно рано понял, что человек проживает свою жизнь между двумя реальностями. Эти две реальности: материальный телесный

мир, в котором пребывает телесное естество человека, и мир душевный, в котором образы реальности диктует сознание человека.

Признание атмана как единственно сущего, чему учили Сиддхартху, поставило перед ним ряд сложных вопросов: где найти атман, где он живёт? Ответ можно было предположить: вечное сердце атмана бьётся в моём собственном «я», в том сокровенном и неразрушимом, что каждый несёт в себе. Но и это было скорее не ответом, а вопросом.

А пока Сиддхартха видел только принципиальный разрыв между миром атмана и миром преходящих вещей. Среди окружения отца, среди досточтимых брахманов юноша не находил того, кому бы «... удалось снять заклятие и вызвать таинственный атман из сна в явь, в жизнь, в шаг и жест, в деяние и слово» [1, 855]. Таким образом, он жаждущий и ищущий, созерцая и своего отца, и других брахманов не был уверен в том, что внутри, в душе они живут в гармонии с самими собой.

Собственное «я» представлялось Сиддхартхе не плотью, не кровью, не мыслью и сознанием как учили мудрейшие. Необходимо проникнуть туда, к себе, к «я», размышлял юный Сиддхартха, тогда «я» – это и есть искомый атман, поскольку нет иного пути, на котором его следовало бы искать.

Герман Гессе – нобелевский лауреат, писатель философствующий. Поэтому раздумья героя его повести Сиддхартхи о смысле человеческого бытия, о нахождении истинной реальности, а тем самым и обретения и душевного покоя, – это и раздумья самого писателя. В его произведениях «Игра в бисер», «Степной волк» и других значимыми представляются повторяющиеся переходы от мира материального к миру фантазии, грёзы. Причём между обоими этими мирами для писателя нет принципиальной разницы: пребывание в том или ином имеет длительность, оно временное.

Опыт пребывания Сиддхартхи среди саманов – вечно странствующих монахов-аскетов, показал ему, что созерцание, пост, отрешение от тела и задержка дыхания – всё это не что иное как бегство от «я», от муки быть собой. По сути всё это – краткое забвение, заглушение на краткий срок боли от бессмысленности бытия. Такого забвения может добиться и погонщик волов и любой другой, выпив рисового вина или вкусив любого другого опьяняющего зелья. Таким образом схвачено существенное: бытие человека в материальном мире – бессмысленно.

Встретился Сиддхартха и с Буддой, чьё учение с восторгом принимали многочисленные ученики его. Возвышенный говорил о страдании, о происхождении страданий, о пути избавления от них. Он учил слушателей четырём основам, восьмеричному пути, учил спасению от страдания того, кто последует его путём, путём Будды. Однако Сиддхартха, наученный уже некоторым опытом страннической жизни, видевший уже многих ищущих, не счёл для себя возможным последовать за Буддой.

Обстоятельствам его решения продолжить свои искания истины жизни вне общины Будды, безусловно, можно найти объяснение. Решение его отказа следовать учению Будды определено рядом философско-мировоззренческих принципов. В краткой беседе с Возвышенным, которую подал Герман Гессе, Сиддхартха заметил Будде, что, действительно, учение его, на первый взгляд, ясно до прозрачности. Взглянув сквозь его учение, всякий брахман увидит мир в безупречном совершенстве его внутренних связей, не зависящим ни от случая, ни от богов. Но если этот мир – это мир, в котором всё развивается в русле одного закона причины, становления и умирания, – это есть мир единства, то тогда учение Будды о преодолении мира, о спасении, противоречит духу самого его учения об этом самом мире. На что Будда спокойно заметил, что цель его учения – спасение от страдания, а посему он учит других только этому и ничему иному.

Из содержания беседы Сиддхартхи с Буддой становится ясно, что писатель Г. Гессе увидел существенное противоречие буддизма: в мире, основанном на совершенных внутренних связях закона причинности, нет возможности сопротивляться происходящему. Более того, восстание против реалий реального мира – бессмысленно. При этом ничего не говорится о карме, об освобождении от кармических последствий нашей деятельности, столь привычном для ведической религиозно-философской доктрины.

Для писателя Германа Гессе важно осмысление того, возможно ли прийти к спасению от смерти через какое-нибудь учение. Ответ однозначен – никто не придёт к спасению через учение. Впрочем, и само учение Будды не даёт ответа на вопрос, к какой тайне, к какой природе, к какой реальности приобщился Будда в минуту пробуждения? Отсюда и решение героя повести – «... покинув все учения и всех учителей, самому достичь своей цели или умереть» [1, 872].

Отсюда и задача Сиддхартхи состоит в том, чтобы постичь истину жизни. Но став умудрённым, испытав множество чувственных удовольствий, испытав горечь смерти любимой женщины, уход от него родного сына, Сиддхартха пришёл к «своей лучшей мысли». «Вот она: для всякой истины противоположное ей также истинно!» [1, 932]. Он понял, что истину можно выразить словами, если она односторонняя. Но в реальной жизни всё находится в единстве, она – целостна и округла. Поэтому вполне естественно, что излагая своё учение о мире, пробудившийся от сна майи Будда, вынужден был делить мир на сансару и нирвану, на видимость и истину, на страдание и спасение. А в действительности человек не может целиком погрузиться ни в сансару, ни в нирвану. Человек не может быть безупречно святым или беспросветно грешным, уверен Сиддхартха.

Однако прожив длинную жизнь, испытав множество чувственных удовольствий и страданий, пообщавшись со множеством и святых и грешных людей, Сиддхартха пришёл к фундаментальному выводу: «Когда кто-нибудь ищет, нередко случается, что глаз его начинает видеть лишь ту вещь, которую он ищет; он ничего не находит, он ничего не замечает, потому что думает только об искомом, потому что у него есть цель, потому что он этой целью поглощён. Искать – значит иметь цель. Находить же – значит быть свободным, быть открытым, не иметь цели» [1, 930-931].

Путь искания бесконечен, но суметь увидеть **и найти!** то, что находится в тебе и с тобой – это и есть квинтэссенция концепции Германа Гессе, предложенной в «Сиддхартхе». Сюда же вполне вписывается и его представление о времени: **время не действительно**. Именно поэтому в глубоком созерцании можно снять время, увидеть всё прошлое, существующее и становящееся как одновременное. И тогда всё оказывается хорошо, совершенно, всё – брахман.

В беседе с другом своей юности Говиндой, анализируя возможную взаимосвязь слов, мыслей и вещей как образов реальности, Сиддхартха заметил, что слова и мысли он ставит не очень высоко. И даже если вещи есть лишь видимость, обман майи, то и тогда они равны мне, уверен Сиддхартха, поскольку я тоже окажусь видимостью. Поскольку вещи равны мне, я могу их любить и почитать.

На первый взгляд, последнее суждение принципиально противоречит духу учения Будды, который запрещал любить земное. Но, по сути, опять всё упирается в слова. Сиддхартха уверен, что они с Буддой едины, поскольку вещи важнее слов. Будда, до конца познавший бренность и ничтожность человеческого, так любил людей, что всю свою жизнь посвятил тому, чтобы помогать людям, чтобы учить их!

Идея о том, что время не действительно, приводит, в свою очередь, к выводу о том, что всё существует всегда. Одновременно существует бесконечное множество людей, птиц, рыб, животных. Одновременно все эти обличья существуют в тысячах сочетаний, рождаются, любят друг друга, причиняют насилие и доставляют наслаждение, расплываются и переходят друг в друга.

Герман Гессе, осмысливая идею нереальности, иллюзорности времени, устами своего героя «Сиддхартхи» тем самым утверждает, что нет непрерывного и вечного возникновения и исчезновения явлений: «Всё существует всегда!». Тогда и получается, что есть только вечное настоящее, вечное теперь, которого не в силах представить наш слабый и ограниченный человеческий ум.

Правда, из сказанного можно сделать вывод о том, что всё существует заранее и вечно, а, значит, ничто не может измениться, находясь в застывших формах, среди которых бьется наше сознание, создавая иллюзию движения. Но такой вывод происходит по причине неспособности измерить бесконечное (мир явлений и вещей) конечным (своим слабым ограниченным человеческим умом). На самом деле мир есть мир бесконечных возможностей. В каждом моменте есть множество возможностей и все они осуществляются. Но в силу наших человеческих способностей мы этого не видим и не знаем, а видим только одно из осуществлений возможностей в одном направлении. И в этом суть открытия, сделанного Сиддхартхой на исходе своей жизни.

Но размышляя о проблеме реальности, мы не вправе игнорировать и реальность ирреального. Герман Гессе в своих классических произведениях «Игра в бисер», «Степной волк», «Нарцисс и Гольдмунд» часто совершает «лёгкий» переход от реалий материальной жизни к грёзе, к сновидению наяву. Почему это возможно? Очевидно потому, что наш мир можно принять как майю. Тогда вполне реальным можно признать и мир нематериальный, мир иллюзорный. Да, здраво мыслящему человеку, твёрдо стоящему на почве сиюминутного, представление о том, например, что он вдруг стал принцем или царём со всеми имеющимися в этом статусе правами и

возможностями, кажется фантастическим. Но человеку, принявшему идею временности, текучести, иллюзорности происходящего, переход от жизненной реальности к реальности грёзы не представляется чем-то неестественным.

В таком случае *это*, независимо от того как мы его назовём: «майя», «вечное теперь», «коллективное бессознательное», «Абсолютная Истина», даёт нам веер вариантов грёзы в зависимости от того, каков наш жизненный путь донныне, каковы наши жизненные ценности, каковы особенности ситуации грёзы. Показательно в этом смысле «Индийское жизнеописание» Г. Гессе. Героя жизнеописания Дасу в детстве удалили из дома отца-царя, спасая ему жизнь от жестокой мачехи. И вот, будучи уже пастушком, Даса увидел однажды в лесу йога-отшельника, находящегося в состоянии медитации. Ничто не могло отвлечь йога от его медитации, поскольку весь окружающий мир стал для него поверхностным и маловажным. Подсознание подсказало Дасе, что весь мир, может быть, лишь игра и поверхность, только дыхание ветра и рябь волн над неведомыми безднами. Но старик-йога всколыхнул душу Дасы и напомнил ему о царском его происхождении.

Спустя какое-то время природа взяла своё: Даса влюбился и женился на девушке по имени Правати. Через год, во время охоты молодого раджи в их края, Правати пропала. Оказалось, что она стала наложницей раджи. Вскоре в порыве гнева Даса отомстил молодому радже, убив его. Молодому человеку пришлось долго скитаться, прячась от преследователей. Наконец, он набрёл на то место, где по-прежнему жил йог-отшельник. Даса стал прислуживать старику, понемногу подражая его повадкам. Так Даса начал глядеть в неведомый, находящийся по ту сторону реальности мир, и отрешаться от всего окружающего. Но вскоре его начали мучить воспоминания о прошлом, о Правати, об убитом радже. Надеясь облегчить душу, Даса решил рассказать старику-отшельнику о своей прежней жизни, о том, что его мучило. В ответ на его исповедь старик засмеялся, говоря: «Майя! Майя!»

Даса попросил йога поведать о том, что такое майя. Старик в ответ велел Дасе вымыть руки из чаши, а потом отправил его к роднику за водой. Набрав в чашу воды, Даса хотел уже возвращаться, но тут он услышал голос Правати, его жены, которая звала его по имени. Оказалось, что отец его, раджа, умер, а самого Дасу разыскивали, чтобы возвести в царское достоинство. И здесь началась новая жизнь его, дворцовые заботы, козни и наслаждения, споры с соседними царями, войны, насилия и кровь, и как финал, – поражение в войне, смерть сына и заточение в темницу самого Дасы. Пребывая в темнице, опечаленный и усталый он, наконец, свалился и задремал.

Оказалось же всё не более чем коротким забытьём. С удивлением увидел себя Даса у ручья с руками занятыми чашей с водой. Он понял, что калейдоскоп реальной жизни есть не более чем игра и видимость, обман и сон. Прекрасный и страшный, восхитительный и отчаянный калейдоскоп жизни и есть майя.

Спустя четверть часа Даса вернулся к йогу-старика с водой. Но за эти минуты он успел потерять сына и княжество, завершить человеческий век и взглянуть на вертящееся колесо сансары. Старик принял его с пониманием того, что произошло и начал учить.

Собственно в мир иллюзии вынуждены погружаться и беспокойные «степные волки», эти вечные горькие страдальцы, которым не дано необходимой для трагизма, для прорыва в звёздный простор мощи, которые чувствуют себя призванными к абсолютному, а жить в абсолютном не могут. Рассматривая бытие таковых, Герман Гессе относительно их видит тоже определённую форму отхода от житейских реалий – примирительный выход в юмор. Но и то при условии, если их дух закалился и стал гибок в страданиях.

Так и получается в жизни, что реальность трансформируется в сны, грёзы и фантазии, а все они становятся реальностью, беспокоящей и вызывающей глубокие размышления. А всё потому, что люди мыслят образами.

Глубокий и наблюдательный мыслитель Герман Гессе обращает внимание читателя, интерпретируя буддизм, что жизнь – это постоянный переход от иллюзии к реальности. Не удовлетворяющая нас реальность продуцирует иллюзию!

Для К.Г. Юнга сон – это выход в реальность, которую он связывает с архетипами коллективного бессознательного. И в «Сиддхартхе» мы видим многоликость, многообразие реальности. И от нас зависит, какой мы жаждем реальности, той, которая отвечала бы нашим ожиданиям, или той, от которой мы хотели бы избавиться. Но в любом случае человек хотел бы понять, почему он не может жить без того, чтобы не оказываться в ситуации перехода от реального к иллюзорному.

Литература:

1. Гессе Г. Избранное. – СПб., 2001.

© **Вандышева-Ребро Н.В., 2011.**